

II.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ ПОКОРЕНІЯ ЗАПАДНАГО КАВКАЗА.

ШЕХСКІЙ ОТРЯДЪ.

СЪ ОКТЯВРЯ 1862 ПО НОЯВРЬ 1864 ГОДА.

(Окончаніе.)

IX.

Очеркъ горныхъ ущелій въ районѣ дѣйствій шехскаго отряда. — Каменный мостъ. — Овренности горы Оштень. — Позиціи хамшейскаго отряда. — Свѣдѣнія изъ газетъ о дѣлахъ между рѣками Сочою и Бывью. — О хаучахъ. — Новый шехскій отрядъ. — Занятіе хребта Пшенантхъ. — Взятіе завала 6-го іюля. — Общее наступленіе въ Хаучи. — Соединеніе трехъ отрядовъ на позиціи при рѣкѣ Хаучеси. — Инструкція генералъ-маіора Геймана для дальнѣйшихъ дѣйствій. — Обширныя занятія шехскаго отряда. — Дѣйствія отряда подъ командою подполковника Иванова и ротничьихъ командъ. — Періодъ инспекторскихъ смотровъ по высочайшему повелѣнію. — Дурное положеніе гарнизона въ Хаучинскомъ редутѣ. — Конецъ хаучинской экспедиціи. — Система веденія кавказской войны. — Колонизація Кавказа.

Быстрое возвышеніе главнаго хребта кавказскихъ горъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ имѣетъ огромное вліяніе какъ на рѣзкое измѣненіе вида горныхъ ущелій, такъ и на разнообразіе царства растительнаго. Примѣромъ можетъ служить та часть его, которая заключалась въ районѣ дѣйствій шехскаго отряда, между верховьями рѣкъ Пшекупса и Бѣлой.

Разстояніе между этими рѣками, по прямому направленію (въ проекціи), будетъ не болѣе восьмидесяти верстъ; когда же войска переходили главный хребетъ съ верховья Пшекупса къ верховью Туапсе еще 1-го марта, то застали его не только освобожденнымъ отъ снѣга, но и совершенно сухимъ, а полтора мѣсяца спустя, дѣлая двойной перевалъ черезъ хребетъ съ Пшехи на Шахе и съ нея къ верховью Бѣлой, были принуждены проходить по трехсаженной толщѣ снѣга.

Ущелье Пшекупса, исключая самыхъ верхнихъ частей его (отъ хребта Котхъ), огражденное по обѣимъ сторонамъ незна-

чительными плоскими возвышенностями, отдѣляющими Пшекупсъ отъ сосѣднихъ бассейновъ, не имѣло суроваго вида, а обширныя черноземныя равнины на этихъ водораздѣлахъ, хорошо очищенныя отъ кустарниковъ и лѣсовъ, придавали здѣшнимъ мѣстамъ видъ богатыхъ житницъ, въ то время, какъ сосѣднее ущелье рѣки Пшиша принимаетъ несравненно болѣе дикій видъ уже отъ Хадыжей. Пшехское же ущелье, по разнообразію окрестной мѣстности, по болѣе суровому виду береговъ, по пересѣченности водораздѣльныхъ высотъ, провожающихъ его съ обѣихъ сторонъ, и по богатству растительности, стоитъ еще выше; но замѣчательнѣе всѣхъ предъидущихъ — это ущелье рѣки Бѣлой: отъ Майкопа оно, какъ устья всѣхъ ущелій, имѣетъ видъ широкой долины, окоймленной незначительными высотами, по преимуществу съ отлогими скатами; но отъ Каменнаго моста долина эта вдругъ обращается въ узкое ущелье, которая тянется до самой Хамышейской долины и далѣе.

На пути отъ Абадзехской станицы вверхъ по Бѣлой, еще издали слышится сильный шумъ рѣки; направляясь на него, любопытный прохожій непременно подойдетъ къ тому мѣсту, гдѣ Бѣлая дѣлаетъ крутой поворотъ и перегораживаетъ долину въ перпендикулярномъ направленіи. Въ этомъ мѣстѣ берега рѣки, не возвышаясь надъ плоскостію долины, издали совершенно незамѣтны; но, подойдя къ нимъ, невольное удивленіе вырывается наружу при видѣ неожиданной картины: въ этомъ мѣстѣ рѣка представляется въ видѣ глубокой и извилистой промоины, бока которой состоятъ изъ отвѣсныхъ каменныхъ стѣнъ, опущенныхъ въ глубину и мѣстами подходящихъ другъ къ другу сажени на полторы; внизу же, въ полумракѣ, на десятисаженной глубинѣ, вмѣсто воды, виднѣется съ страшнымъ шумомъ клокочащая пѣна, а надъ нею стоитъ вѣчный туманъ изъ брызговъ. Здѣсь то мѣсто, гдѣ легкій деревянный мостикъ соединяетъ близко-подходящіе другъ къ другу каменистые края противоположныхъ береговъ, извѣстно подъ именемъ Каменнаго моста.

Въ прежнія времена, на краю каменнаго навѣса лѣваго берега стояло народное судилище—мегкеме—выстроенное Магометъ-Аминемъ; оттуда приговоренныхъ къ смертной казни кидали въ ревущую пропасть, гдѣ силою воды несчастные расшибались объ острые выступы извилистыхъ береговъ. Въ послѣднее время, вмѣсто мегкеме, стояли двѣ бревенчатыя хатки въ видѣ блокаузовъ, гдѣ находился наблюдательный постъ.

Съ этого мѣста дорога круто поворачиваетъ въ горное ущелье и идетъ подъ нависшей скалой праваго берега. Тамъ шумъ рѣки, которая протекаетъ въ такой же трещинѣ, какъ и у Каменнаго моста, отражаясь отъ скалистой полуарки надъ дорогой и отъ высокой стѣны лѣваго берега, отвѣсно спускающейся до дна рѣки, былъ еще оглушительнѣе, еще грознѣе.

Версты четыре далѣе, горы понемногу раздвигаются, и вдали, на высотѣ, виднѣется Даховская станица.

Прекрасна дорога и отъ Даховской до Хамышейскаго укрѣпленія. Вторая половина ея особенно привлекательна: высоты праваго берега, по которымъ проложена дорога, имѣютъ характеръ поднятыхъ каменныхъ слоевъ; края ихъ, составляя вершины горъ, какъ искусственно-сложенныя стѣны тянутся по высотамъ, выглядывая изъ-подъ осунувшейся земли, покрытой зеленью. Этотъ земляной откосъ, поросшій великолѣпными рощами изъ чинара, дуба, ясени, мѣстами и березы, вмѣстѣ съ линією деревьевъ, оставленныхъ къ сторонѣ обрыва, образовали густую алею.

Вълая, въ этихъ мѣстахъ, тоже очень разнообразна: то представляется глазамъ прохожаго, какъ она, будто затаивъ свой гнѣвъ на стѣсняющіе ее берега, съ необыкновенной быстротой, безъ шума, блестящей, гладкой полосой несетъ на отступающаго уже зрителя; вотъ-вотъ налетитъ она на берегъ, но вдругъ, какъ будто отказавшись скрыть стѣснявшія ея преграды, поворачиваетъ въ сторону и снова разражается гнѣвомъ, шипя и пѣнясь. Невольно останавливаешься полюбоваться, какъ рѣка изъ широкаго русла врывается въ узкое, загромаженное отрывками скалъ, какъ съ размаху волны ея, ударяясь о камень, преграждавшій имъ путь, отскакиваютъ отъ него, будто опеломленные ударомъ; потомъ съ тою же быстротой налетаютъ на скалу противоположнаго берега и затѣмъ, снова отражаясь, съ какимъ-то ропотомъ на неодолимость стѣснителей, сливаются съ массою кипящихъ бѣлыхъ бугровъ.

Незамѣтно проходишь по этой дорогѣ, не чувствуя даже усталости, чему способствуетъ, кромѣ дикихъ ландшафтовъ, какъ полъ гладкая дорога. Такая отличная отдѣлка ея тянется до моста съ блокаузами, который переводитъ дорогу съ праваго берега на лѣвый. Шесть верстъ далѣе, на Хамышейской долинѣ, стоитъ маленькое укрѣпленіе, которымъ замыкается удобный путь. Далѣе подымались уже дикія, незаселенныя го-

ры, съ узкими, глубокими трещинами, между которыми выглядываетъ высокая скала, съ вѣчно-снѣжною шапкой, известная подъ именемъ Оштенъ, и около которой берутъ свои начала Курджипись и Бѣлая съ одной стороны, нѣсколько правыхъ притоковъ Шахе съ другой. Дикость этихъ мѣстъ достаточно опредѣляется тѣмъ, что тамъ не жили даже горцы.

Смотря на окрестность Оштена съ значительной высоты, на первый разъ, непривычному глазу представляется только какой-то хаосъ изъ нагроможденных безлюдныхъ скалъ, неправильно изрѣзанныхъ балками и глубокими оврагами. Вершины этихъ горъ освобождаются отъ снѣга только мѣсяца на полтора въ годъ и въ лѣтнее время едва проходимы. По мѣрѣ того, какъ сходитъ снѣгъ, постепенно начинаютъ выказываться изъ-подъ него то безобразныя груды каменьевъ, то цѣлыя завалы поваленныхъ деревьевъ, то глубокіе провалы, то земляныя осыпи и т. п. Впрочемъ, въ іюлѣ и въ августѣ опасно проходить и тѣ мѣста, гдѣ оставался еще снѣгъ: слыша, какъ журчитъ подъ нимъ вода, проваливаясь поминутно до колѣна, невольно помышляешь о возможности провалиться сквозь разрыхлѣвшій снѣгъ и быть увлеченнымъ подснѣжнымъ потокомъ Богъ знаетъ куда. Какъ всхолмлены эти мѣста, можно судить уже потому, что при разбивкѣ лагеря не находили ровной площадки для помѣщенія даже пяти палатокъ.

Флора здѣшнихъ мѣстъ могла напомнить солдатамъ изъ Архангельской и Вологодской губерній ихъ родину: начиная отъ Хамышейской поляны, непрерывно тянутся по Бѣлой еловые и сосновые лѣса, состоящіе изъ деревьевъ громаднхъ размѣровъ, между которыми, въ видѣ исключенія, попадается только мелкій березнякъ. Въ этихъ лѣсахъ въ изобиліи растутъ кусты лѣсной малины, барбариса и смородины; но на южномъ скатѣ главнаго хребта опять появляются невысокіе лиственные лѣса и сплошные кустарники, а ель и сосна уже исчезаютъ.

Необитаемость этихъ мѣстъ была поразительна: глухари, которые такъ пугливы въ Россіи, встрѣчались здѣсь во множествѣ, удивляя насъ своею смѣлостію: несмотря ни на пѣсню солдатъ, ни на барабанный бой, они толпами бѣгали по снѣгу около самыхъ лагерей; въ первое время они не отлетали даже отъ выстрѣловъ, если давали по нимъ промахъ; повременамъ и медвѣди подходили на лагерный шумъ. Тамъ, какъ видно,

Некому было пугать звѣрей; тамъ природа не приютила человека. Бури и зимнія мятели были страшны даже для проходящихъ: иначе, при разработкѣ дорогъ, не было бы найдено такъ много труповъ, занесенныхъ снѣгомъ. Среди этой дичи, выше линіи лѣсовъ, на голыхъ или покрытыхъ снѣгомъ горахъ, былъ расположенъ хамышейскій отрядъ.

7-го мая, черезъ перевалъ у горы Оштенъ, проѣхали къ берегу моря графъ Евдокимовъ, генераль-лейтенантъ Ольшевскій и генераль-маіоръ Шульманъ.

Въ это же время по всѣмъ ущельямъ кипѣла самая дѣятельная работа дорогъ, при чемъ болѣе тяжелая выпала на долю мало-лабинскому и хамышейскому отрядамъ. Хотя впоследствии, видя неодолимость каменистыхъ горъ у Оштена, продѣлава дороги черезъ Бѣлорѣченскій перевалъ была остановлена, однако въ этотъ періодъ времени хамышейскій отрядъ все-таки успѣлъ подолбить камень, хотъ ради искупленія своихъ грѣховъ.

Ничто не благоприятствовало этому отряду; даже позиціи были какія-то невеселы: снѣжные скаты горъ съ прогалинами безъ травы, едва распустившіеся кусты, обнаженные каменные шпильи, темнозеленыя полосы лѣсовъ, тянущихся подъ ногами, въ глубокихъ ущельяхъ—вотъ главный характеръ окрестныхъ ландшафтовъ. Если же иногда и встрѣчались дикія, но своеобразно-прекрасныя мѣста, какихъ здѣсь довольно много, такъ любоваться ими приходилось очень рѣдко: густые, холодные туманы заволакивали окрестность около шести или семи дней изъ десяти — это значило, что мы находились въ тучахъ. Не видя ничего, мы слышали неумолкаемый шумъ потоковъ и поминутные взрывы скалъ, гдѣ работалась дорога; но хуже всего были частые проливные дожди и сильныя бури. Кашель слышался во всѣхъ палаткахъ, а простудныя лихорадки увеличивали число больныхъ. Благодаря туманамъ, приходилось въ шесть часовъ послѣ полудня сидѣть уже при свѣчахъ. Такая погода напоминала прошлую осень и не позволяла вѣрить, что на линіи и въ Майкопѣ стоятъ сильнѣйшіе жары и что ожидаютъ даже засуху.

Издѣдка, для отдохновенія отряда, выдавались и хорошіе дни. Тогда намъ дѣлалось понятно чувство, которое заставляетъ радоваться узника, выпущеннаго изъ сыраго, темнаго заключенія на Вожій свѣтъ.

Тѣ, которымъ приходилось проводить долгое время почти на снѣжныхъ высотахъ, помнятъ, вѣроятно, какъ бывала привлекательно-хороша горная природа при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, когда безчисленное число вершинъ различныхъ видовъ и формъ, столпившіяся кругомъ, то освѣщенные, то спрятавшіяся въ тѣни, будто отдѣльные острова, выглядывали изъ неподвижныхъ волнъ розовыхъ и бѣлыхъ облаковъ, отрѣзавшихъ ихъ отъ нижнихъ частей горъ. Какъ былъ интересенъ видъ, когда поднявшееся выше солнце, требуя болѣе паровъ для насыщенія воздуха, заставляетъ густыя облака подыматься изъ ущелій въ видѣ паровыхъ столбовъ и исчезать безслѣдно; когда закурившіяся вершины горъ отъ полуденной жары, образуя одно облачко за другимъ, отпускали эти прозрачныя массы погулять по вѣтру, и когда съ охлажденіемъ воздуха дѣлались онѣ меньше, плотнѣе, потомъ спускались все ниже, ниже, и снова, въ глубинѣ ущелій, подъ ногами зрителя, смыкались въ длинныя полосы, представляя изъ себя морскіе протоки, залившіе всѣ ущелья и застывшіе навѣки.

Въ ясный день самая дикость этихъ мѣстъ получаетъ какое-то разнообразіе и загадочность: многія изъ узкихъ темныхъ ущелій, отрываясь противоположными концами въ ярко-освѣщенные мѣста и показывая словно въ гигантской панорамѣ то посеребренные снѣжныя, то позолоченныя зеленые скаты горъ, неволью подстрекають сходить туда, въ ожиданіи встрѣтить живописныя долины и столь же привѣтливую природу, какъ въ заселенныхъ мѣстахъ Швейцаріи; но подойдешь къ тѣмъ мѣстамъ и встрѣтишь тѣ же глубокія щели, тотъ же мрачный лѣсъ. Однако однообразіе въ общемъ и суровый видъ кавказскихъ горъ не утомительны: различные изгибы линій, разнообразныя переливы цвѣтовъ, безчисленныя формы ущелій отъ страшныхъ трещинъ до широкихъ полянъ и другіе оттѣнки придаютъ этимъ мѣстамъ много интереснаго.

Стоя въ недоступныхъ мѣстахъ, камышейскій отрядъ былъ уединенъ отъ всего живущаго въ окрестностяхъ; всѣ слухи съ моря доходили до него только черезъ фурштатскихъ рядовыхъ, возившихъ въ Соче и Майкопъ разныя разности. Всѣ одолаваемые любопытствомъ получали свѣдѣнія то о томъ, что скоро пріѣдетъ императоръ, то о томъ, что у нихъ былъ большой праздникъ, въ который, послѣ молебна, долго стрѣляли изъ орудій и много кричали ура.

Несравненно позже прочитали мы въ газетахъ (*), что дѣлалось на берегу моря. Изъ нихъ узнали мы, что 18-го марта всѣ прибрежныя племена изъявили покорность, но что войска продолжали ходить по всѣмъ ущельямъ, не довѣряя словамъ живущихъ въ неприступныхъ мѣстахъ южнаго склона, между рѣками Сочео и Бзыбью. Изъ племень, обитавшихъ тамъ, рѣзче всего выдавалось общество ахчипсу, заселявшее котловину рѣки Мзымты, замѣчательную по своей непроходимости. По приказанію Его Императорскаго Высочества, двинуты были туда четыре колонны: *первая*, состоявшая изъ 27 ротъ пѣхоты и сотни цебельдинской милиціи, при четырехъ горныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Шатилова, должна была изъ Гагръ направиться въ долину Псоу и вверхъ по этой рѣкѣ; *вторая*, десантная, которую составляли восемь баталіоновъ пѣхоты, четыре сотни пѣшей милиціи и сотня ирегулярнаго полка, при четырехъ горныхъ орудіяхъ, подъ командою генералъ-лейтенанта Святополка-Мирскаго, назначалась перейти сначала изъ Сухума въ Адлеръ, а потомъ слѣдовать вверхъ по Мзымтѣ; *третья*, силою только въ четыре баталіона пѣхоты, сотни казаковъ и сотни милиціи, при двухъ горныхъ орудіяхъ, подъ командою генералъ-маіора Геймана, направлена была отъ Кубанскаго поста вверхъ по Соче и отъ верховья ея параллельно главному хребту къ верховьямъ Мзымты; *четвертая*, свиты Его Величества генералъ-маіора Граббе, составленная изъ шести баталіоновъ пѣхоты, двухъ сотенъ казаковъ, сотни милиціи и двухъ горныхъ орудій, двинулась вверхъ по Малой Лабѣ къ перевалу.

Узнавъ, во время слѣдованія, что колонна генералъ-маіора Шатилова въ одномъ изъ ущелій была сильно засыпана камнями, отъ чего понесла потерю, Его Императорское Высочество немедленно послалъ войска изъ второй колонны на гору, гдѣ сидѣли горцы. 20-го мая всѣ отряды сошлись въ ущелье Ахчипсу; на другой день былъ отслуженъ благодарственный молебень за окончаніе кавказской войны, послѣ чего всѣ собравшіеся тамъ 23 баталіона пѣхоты, 6 сотенъ казаковъ, 10 сотенъ милиціи и 12 горныхъ орудій вскорѣ разошлись по своимъ мѣстамъ.

Пшихскій отрядъ въ это время находился на Пшихѣ, по сѣверному склону главнаго хребта, занимаясь разработкою до-

(*) „Русскій Инвалидъ“ за 1864 годъ, № 131.

роги отъ Кадыйней до Гойтхъ и постоянными рекогносцировками по окрестнымъ ущельямъ. Было извѣстно, что нѣкоторые горцы, вопреки даннымъ обѣщаніямъ выселиться, затаились въ горахъ и, надѣясь на мало-доступную мѣстность и на покровительство Аллаха, думали остаться тамъ на жительство. Образовавъ нѣсколько летучихъ отрядовъ, подъ начальствомъ полковника Эяельна, ихъ разсылали рыскать всюду и захватывать оставшихся горцевъ; пойманныхъ препровождали военнопленными въ городъ Екатеринодаръ, а оттуда, за нарушение заключеннаго договора, отправляли дальше, подъ строгимъ карауломъ, одиночныхъ горцевъ—на Донъ, а взятыхъ съ семействами—въ Ейскій округъ.

Тотчасъ же, по отъѣздѣ Его Императорскаго Высочества, тамышейскій отрядъ былъ расформированъ; работа дороги черезъ Вѣлорѣченскій перевалъ прекращена, и войска разведены для другаго назначенія. Пятигорскій пѣхотный полкъ былъ переведенъ въ ущелье р. Шахе, къ Бабукову аулу, гдѣ велѣно ему было ожидать приказанія отъ генерала Геймана, а 3-й баталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка и горный взводъ облегченной № 3-го батареи, какъ на время откомандированные отъ пшехскаго отряда, должны были опять войти въ составъ его, который къ этому времени стягивался въ Тубу.

Отъ Тубинской засѣки есть прямая дорога къ Хакучинскому перевалу: сначала она идетъ по высотѣ между Пшехою и Гогопсомъ, потомъ между Гогопсомъ и Гугупсомъ, по опустѣлой странѣ тубинскаго общества; далѣе подымается на хребтъ Хорашо, отъ южнаго ската котораго начинаются жилища хакучей.

Много кое-чего передавали намъ объ этихъ горахъ, но невѣжество разсказчиковъ было причиною, что собрать свѣдѣнія сколько-нибудь точныя было невозможно. Одни опредѣляли ихъ словомъ: „хакучь-яманъ!“ другіе: „хакучь-марушка!“ но они не были ни тѣмъ, ни другимъ. Изъ внимательнаго вслушиванія въ нескладные разсказы, можно было вывести, что всѣ едва проходимыя горы и лѣса, по обѣимъ сторонамъ рѣки Аше, съ давнихъ поръ были заселены семействами различныхъ племенъ: тамъ жили убыхи, абадзехи, шапеуги и другіе, къ которымъ впоследствии присоединились выпедшіе

изъ Россіи старообрядцы (*), и составили между собою сеобвенную федерацію, связанную однимъ образомъ жизни и одними интересами, обусловленными мѣстностію. Разбой былъ ихъ спеціальностію. Опасными сосѣдями считались они для шахсуговъ, убыховъ и тубинцевъ. Дѣлая на нихъ набѣги и захватывая богатые добычи, они хорошо умѣли пользоваться до возможности пересѣченною мѣстностію и общими силами выступали противъ хозяевъ ограбленнаго имущества, пытавшихся силою оружія возвратить пропажу, при чемъ почти всегда отстаивали свое пріобрѣтеніе. Но передъ началомъ нашей экспедиціи земля хакучей была заселена совершенно иначе: туда сбѣжались разные бездомные особняки всѣхъ племенъ, которымъ разбой нравился больше всего на свѣтѣ; они-то и сдѣлались главными нашими противниками, а для страны—неограниченными деспотами, угрожая смертію всѣмъ, кто только захочетъ переселиться либо въ Турцію, либо въ Россію.

Главнымъ распорядителемъ хакучинской экспедиціи былъ назначенъ генераль-маіоръ Гейманъ.

Пшехскій отрядъ, подчиняясь въ главныхъ распоряженіяхъ ему же, получилъ приказаніе стянуться къ Тубинской засѣвѣ. Въ среднихъ числахъ іюня почти весь отрядъ былъ уже въ сборѣ.

Тотъ же пшехскій отрядъ по имени былъ, въ это время, другой по составу, начиная съ начальника отряда: полковникъ Мерхилевичъ занялъ мѣсто генераль-маіора Граббе; гостившіе у насъ стрѣлковыя баталіоны изъ Дагестана, ширванскій и апшеронскій, вмѣстѣ съ артилерійскими горными взводами Терской области, разошлись по своимъ штабъ-квартирамъ; самурскій стрѣлковый баталіонъ переведенъ былъ въ даховскій отрядъ, а двѣ роты 19-го стрѣлковаго баталіона оставались въ пшехской станицѣ. Эти лучшія составныя части нашего отряда замѣнились баталіонами вновь сформированныхъ полковъ.

Предполагаемая военная дѣйствія требовали не такъ много войска; повтому не всему пшехскому отряду пришлось собратъся къ Тубинской засѣвѣ: немалая часть его осталась на Гойтхѣ, для продолженія пшипской дороги черезъ переваль (**).

(*) У нихъ отъ христіанской религіи остался только крестъ, который встрачали имъ и на дѣрбагахъ и на нѣкоторыхъ могилахъ; но значеніе его они уже забыли и кланялись ему какъ идолопоклонники иступану.

(**) Части, составлявшія дѣйствующій отрядъ, расположенный у Тубинской засѣвки, были: двѣ роты 19-го стрѣлковаго баталіона; 2-й и 3-й бат. Бакинскаго;

Недавно сформированные батальоны были чѣмъ-то новымъ для непривычныхъ глазъ кавказцевъ: цѣлые полки красивой молодежи, въ сравненіи съ загорѣлыми, обросшими и исхудалыми старослуживыми, представляли скорѣе полки „потѣшники“; а видя, какое значительное количество отсталыхъ тащилось за аріергардомъ, при переходахъ по горамъ, невольно рождался вопросъ: замѣнять ли они старыхъ героевъ? Но общій, едва не восторженный отзывъ объ ихъ трезвости, готовности на все честное и хорошее, а также несравненно лучшее обращеніе съ ними начальниковъ, которое не могло убить такихъ наклонностей и которое отражалось въ естественно-бодромъ и веселомъ видѣ молодежи, подавали большую надежду получить утѣшительные результаты. Привычка къ труднымъ кавказскимъ походамъ и нѣсколько разъ испытанныя лишенія могли и ихъ довести до степени непобѣдимости старыхъ кавказцевъ.

Въ ожиданіи распоряженія о началѣ военныхъ дѣйствій, пехотскій отрядъ приступилъ къ расчисткѣ тропы отъ поста Маратуковскаго до Тубинской засѣки, съ цѣлію облегчить подвозъ провіанта изъ станицъ Прусской и Дагестанской. Наконецъ и эта работа была окончена, а отъ генерала Геймана все-таки не получалось ни приказаній о началѣ военныхъ дѣйствій, ни общей инструкціи, указывавшей, къ чему отрядъ долженъ былъ готовиться.

18-го іюня сдѣлана была начальникомъ отряда рекогносцировка тропы, ведущей прямо къ перевалу. Она оказалась удобною для прохода войскъ, и ни одного горца не встрѣтилось на пути.

Эти данныя навели начальника отряда на мысль подвинуться впередъ какъ можно дальше, чтобы не дать возможности неприятелю завалить дорогу впереди насъ и усложнить наше движеніе; вслѣдствіе чего, 2-го іюля, мы выступили съ позиціи.

4-й бат. Кубанскаго, 1-й бат. Ставропольскаго; 2 роты Елисаветпольскаго пѣхотныхъ полковъ; горные взводы облегченной № 3-й и батарейной № 3-й батарей и 2-я Григоріопольская сотня.

Оставшіеся на Гойтхъ: 1-й, 2-й и 3-й бат. Дербентскаго, 1-й и 2-й бат. Абхазскаго пѣхотныхъ полковъ и 2 роты стрѣльцоваго сводно-линейнаго бат. Кубанской области.

Предположеніе начальника отряда было: при открытіи военныхъ дѣйствій въ Хакучинскомъ обществѣ, 1-й бат. Елисаветпольскаго полка присоединить къ отряду, а взаимнѣя его въ Тубинскую засѣку поставить 2 роты 2-го бат. того же полка.

Вслѣдствіе произошло еще нѣсколько перемѣнъ, результатомъ которыхъ было увеличеніе дѣйствующаго отряда.

Отрядъ, вытянувшись въ одного человѣка, шелъ по тропинкѣ, или, вѣрнѣе, по узкому гребню хребта Пшенайтъ, крутые бока котораго поросли густымъ лѣсомъ. На шестой верстѣ авангардъ встрѣтилъ завалъ изъ сваленныхъ накрестъ деревьевъ и принялся за уничтоженіе его. Прошло полчаса времени, и завала не существовало. Версты три дальше, съ высокаго бугра увидѣли мы впереди еще большій бугоръ, увѣчанный крѣпкимъ заваломъ, доступъ къ которому былъ сильно затрудненъ множествомъ чинаровъ громадныхъ размѣровъ, разбросанныхъ по весьма крутому подъему. Оттуда раздался первый сигнальный выстрѣлъ сторожевыхъ хакучинцевъ. Взоселъ авангардъ и на этотъ бугоръ, отъ котораго хребетъ Пшенайтъ поворачивалъ въ сторону; дорога отъ завала спускалась внизъ по уступамъ горы, потомъ подходила къ отрогамъ главнаго хребта, подымаясь по нимъ до его гребня, среди густѣйшаго лѣса. Это былъ кратчайшій путь къ хакучинцамъ, непревышавшій 12 верстъ.

При небольшой остановкѣ нашего отряда, сдѣланной для обозрѣнія впереди лежащей мѣстности, совершенно неожиданно родился вопросъ: идти ли впередъ, или повернуть назадъ? Неумѣнье лазутчиковъ показать, есть ли далѣе достаточное количество воды, съ одной стороны, предписаніе командующаго войсками Кубанской области, чтобы дѣйствовать по возможности безъ потерь, съ другой, поколебали рѣшительность начальника отряда относительно движенія впередъ. Расположиться же на томъ мѣстѣ, гдѣ мы остановились, не было возможности, какъ по сильной пересѣченности мѣста, такъ и по тѣснотѣ позиціи, на которой могло помѣститься не болѣе двухъ баталіоновъ; поэтому полковникъ Мерхилевичъ велѣлъ отряду вернуться и, остановивъ его въ томъ мѣстѣ, гдѣ верхняя площадка горы Пшенайтъ достаточно широка, приказалъ разбить лагерь. Позиція эта отстояла отъ Тубинской засѣвки не болѣе пяти верстъ.

Общественное же мнѣніе офицеровъ было за движеніе впередъ: непріятеля не было видно, стало быть не предстояло и препятствій для дальнѣйшаго наступленія, а отступить, показавъ хакучинцамъ путь, который мы избрали для предстоящихъ предпріятій, значило надолго распроститься съ кратчайшею дорогой. Занявъ же перевалъ, мы, своимъ положеніемъ, угрожали бы землямъ хакучинцевъ, которые жили по

южному скату главнаго хребта, стало быть могли не опасаться за появленіе въ тылу нашемъ значительныхъ партій, а отправляя команды охотниковъ для розысковъ мелкихъ шайкъ, мы дѣлались хозяевами по всему пространству отъ главнаго хребта до Тубинской засѣки. Что же касается присутствія тамъ воды, то за это ручались какъ жилища горцевъ, такъ и наша опытность, потому что по всѣмъ лѣсистымъ высотамъ намъ встрѣчались всегда хорошіе и изобильные источники.

Тихо простояли мы 3-е іюля, хотя мѣстами и замѣчали горцевъ, высматривавшихъ наше расположеніе, которое, правду сказать, было не совсѣмъ удобно.

Желая однако приготовить путь для дальнѣйшаго движенія, послана была, 4-го іюля, небольшая колонна для расчистки дороги до кургана на краю хребта; но горцы не зѣвали и, занявъ его, снова успѣли огородить вершину заваломъ. Завидѣвъ приближеніе нашихъ войскъ, они приготовились къ бою. Отрядъ подошелъ ближе. Тубинскій старшина Амчуковъ, находившійся въ нашемъ отрядѣ, высланъ былъ впередъ для переговоровъ; начались перекрикиванія; черезъ нѣсколько времени Амчуковъ, подъ прикрытіемъ охотниковъ, былъ уже на полугорѣ и уговаривалъ ихъ покориться безъ сопротивленія, представляя имъ все безуміе защищаться противъ такого сильнаго побѣдителя, который заставилъ выселиться всѣ окрестныя, многочисленныя племена. На все это ему отвѣчали только одно, что будутъ биться до послѣдняго, при чемъ пожелали, на всякій случай, переговорить на другой день съ самимъ начальникомъ отряда.

5-го іюля опять рабочая колонна выступила къ большому кургану. Не доходя его, мы ясно увидѣли порядочное собраніе вооруженныхъ горцевъ, которые, при нашемъ появленіи, подняли какой-то гамъ. Посланный впередъ Амчуковъ, на предложеніе начать переговоры, услышалъ только одни крики негодованія.

— Какъ же вы сказали, что придете для переговоровъ, а пришли съ войскомъ? укоряли насъ горцы.

— Войска пришли для расчистки дороги, а не противъ васъ, утѣшалъ ихъ переводчикъ.

Наконецъ, послѣ нѣкотораго упорства, два человѣка начали мало по малу спускаться внизъ, а нашъ переводчикъ, шагъ за шагомъ, приближаться къ нимъ. Сошлись, и началась дипло-

матическая болтовня. На предложеніе, чтобъ горды отказались отъ напраснаго пролитія крови, полученъ былъ отвѣтъ, что имъ хорошо извѣстна сила русскихъ и малочисленность ихъ общества и что, несмотря на возможность скоро покорить ихъ, они все-таки рѣшились биться до невозможности.

— Отчего же не хотите вы выселиться на Лабу или въ Турцію? спросилъ ихъ Амчуковъ, по приказанію полковника Мерхилевича.

— Въ Турцію не выселяемся потому, что всѣ наши поля засѣяны и при выселеніи приходится много терять, а какъ жить переселившіеся на Лабу, намъ еще неизвѣстно.

— Да вотъ я живу съ семействомъ на Лабѣ и доволенъ этой жизнью, сказалъ Амчуковъ. Потомъ, по приказанію начальника отряда, прибавилъ:—если вы объявите желаніе поселиться на Лабѣ, то ваши поля останутся неприкосновенными; вамъ позволять безпрепятственно убирать хлѣбъ и перевозить имущество.

На это хакучинцы обѣщали отвѣтить, посоветовавшись со старшинами, изъ которыхъ, какъ они говорили, не всѣ еще были дома, при чемъ просили начальника отряда не производить рубку лѣса, но, разумѣется, получили отказъ.

Много лжи и мало хитрости проглядывало въ переговорахъ со стороны хакучинцевъ. Старшинъ у нихъ никакихъ не было, а старики не имѣли особеннаго голоса. Общество это была скорѣе разбойничья республика, безъ признаковъ правленія, чѣмъ общество на патріархальныхъ началахъ.

По примѣру предыдущъ дней, и 6-го іюля была составлена очередная колонна изъ четырехъ ротъ и отправлена для расчистки дороги, все по тому же направленію къ высокому кургану (*).

Имѣя въ передней цѣпи команду охотниковъ, отрядецъ тотъ не успѣлъ отойти отъ лагерей и версты, какъ былъ внезапно встрѣченъ залпомъ, свалившимъ трехъ въ цѣпи и надѣлавшимъ тревогу въ лагеряхъ, откуда двѣ роты 13-го стрѣлковаго баталіона и одно горное орудіе кинулись къ сторонѣ выстрѣловъ. Между тѣмъ, майоръ Саранчевъ, находившійся при ротахъ Елисаветпольскаго полка, до прибытія помощи, раскинулъ боковыя цѣпи по одной ротѣ съ обѣихъ сторонъ гребня,

(*) Команда охотниковъ изъ всѣхъ баталіоновъ, 2 роты Елисаветпольскаго и 3-я стрѣлковая рота Вагнерскаго полковника.

а оставшуюся роту поставилъ такъ, что она могла, при случаѣ, подрѣпить всѣ три цѣпи; послѣ чего, кинувшись на курганы, изъ-за которыхъ были сдѣланы выстрѣлы, выгналъ оттуда горцевъ и погналъ ихъ по гребню къ большому кургану. Въ это время явилось вышеупомянутое подкрѣпленіе: орудіе немедленно взгромоздилось на предпоследній меньшей курганъ и выстрѣломъ своимъ противъ засѣки противника какъ-будто подало сигналъ къ атакѣ; снова учащенная пальба и крикъ „ура!“ разнеслись по лагерю, который чутко прислушивался къ происходившей стычкѣ. Сначала „ура!“ наше было слышно глуховато, но потомъ звонко загремѣло оно на высотѣ. „Гора взята!“ заговорили въ лагерѣ, и не ошиблись: фронтальная цѣпь, примкнувъ флангами къ боковымъ, кинулась на штурмъ, направляясь по косогору правѣе и лѣвѣе засѣки; схвативъ такимъ образомъ противника съ тыла, заставила его бѣжать, не позволяя подбирать убитыхъ. Это дѣло было боевымъ крещеніемъ молодыхъ солдатъ, первый разъ попавшихъ въ перестрѣлку.

Не приходилось уже больше хаучинцамъ владѣть этой горой: въ тотъ же день принялись наши за работу; вдвое лучшимъ заваломъ огородили верхнюю площадку горы, складывая его изъ чинаровъ въ два обхвата толщиной; къ вечеру кое-какъ втиснули туда 1-й баталіонъ Ставропольскаго полка и два горныхъ орудія, обязавъ ихъ наблюдать всю впереди-лежащую низменность и прикрывать работы, производимыя близъ него.

Хаучинцы, сброшенные съ высотъ Ишенаитхъ, не ушли далеко. Съ засѣки, занятой ставропольскимъ баталіономъ, видно было, какъ они, избравъ внизу одинъ изъ бугровъ, всѣ послѣдующіе дни укрѣпляли его и, въ паралель нашимъ работамъ, тоже занимались рубкою лѣса; по вечерамъ же, подражая обычаю нашихъ солдатъ пѣть до зори, они тоже издавали какое-то волчье завыванье; только изрѣдка бросаемя туда гранаты прерывали ихъ наслажденіе. Впрочемъ, пальба эта была недействительна, потому что надлежало подымать хоботъ.

Работы относительно обезпеченія хребта Ишенаитхъ, по которому былъ растянутъ нашъ отрядъ, подходили къ концу: тропинка была расчищена, а по сторонамъ настроено до пяти засѣкъ, и все это не выполняло своего назначенія: густые лѣса, глубокія балки, крутые снаты, высокій папоротникъ могли

быть преодоленнымъ только сверхъестественными трудами большой массы людей и въ продолжительное время. Между тѣмъ, хакучинцы очень ловко пользовались всѣми преградами и съ нѣкоторыми успѣхомъ вели сначала свою разбойничью войну; залегая шагахъ въ тридцати отъ дороги, они на выборъ убивали кого-нибудь изъ проходящей колонны. Когда же солдаты наши попадались къ тому мѣсту, то уже никого не находили; только по треску валежника и вѣтвей, иногда раздававшемуся въ глубинѣ оврага, догадывались, что виновникъ ушелъ, и выстрѣлы наши на этотъ звукъ, кромѣ выраженія неудовольствія, не имѣли другаго значенія.

Такія внезапныя убійства встрѣчались почти черезъ день. Солдаты наши до того вѣрили въ серьезное значеніе хакучинскихъ выстрѣловъ, что гдѣ ни слышать, бывало, звукъ черкесской винтовки (*), тотчасъ же и заговаривать: „видно, еще кого-нибудь зацѣпили“ и рѣдко когда ошибались (**).

Опытомъ убѣдились мы, что выборъ нашей позиціи былъ ошибоченъ, что потеря, понесенная за все время пребыванія на ней, была, можетъ быть, немногимъ меньше той, какую могли бы повести при занятіи и стоянці на перевалѣ. Лучше было бы отступить къ Тубинской засѣкѣ, тѣмъ болѣе, что водопой былъ скудный да и на пастбу гоняли лошадей за Пшеху. Впрочемъ, трудно было все это предвидѣть, а главное — нельзя было предполагать, чтобы генералъ Гейманъ такъ долго продержалъ отряды въ бездѣйствіи.

Скука, между тѣмъ, одолевала всѣхъ. Общее желаніе сходить къ хакучамъ и, покончивъ съ ними дѣло, хотя немного отдохнуть въ станицахъ, оставалось неудовлетвореннымъ; а между тѣмъ провіантъ съѣдался и войска безъ дѣла стояли подъ ружьемъ. Такъ безплодно протянули мы 20 дней и только 19-го были обрадованы извѣстіемъ, что отъ генералъ-маіора Геймана получена инструкція предстоящимъ дѣйствіямъ и что 23-го числа открывается общее наступательное движеніе одновременно тремя колоннами:

Одна, подъ начальствомъ полковника Габаева (остатокъ

(*) Выстрѣлы черкесскихъ винтовокъ такъ рѣзко отличаются отъ звуковъ нашихъ ружей, что во время перестрѣлки легко было со стороны считать непріятельскіе выстрѣлы.

(**) Такъ погибли Кубанскаго пахотнаго полка штабсъ-капитанъ Лабановскій, который велъ колонну, и около трехъ рядовыхъ. Такою же смертью погибли и впоследствии.

даховскаго отряда), должна была двигаться отъ Лазаревскаго укрѣпленія по правому берегу Псезуаше (Псыѣ).

Другая, стоявшая до того у Бабукова аула, получила предписаніе выступить, подъ командою полковника Рукевича, направляясь параллельно главному хребту къ верховью Аше.

Третья, подъ начальствомъ полковника Мерхилевича (пешеходный отрядъ), должна была, двинувшись по Гогопсу изъ тубинскаго общества, перейти Хакучинскій переваль.

Самъ же генералъ-майоръ Гейманъ со штабомъ предполагалъ находиться при первомъ отрядѣ.

Исходъ дѣйствій, опредѣляемый инструкціею, долженъ былъ заключаться въ соединеніи всѣхъ отрядовъ въ центрѣ хакучей, въ истребленіи по пути уцѣлѣвшихъ ауловъ и вообще въ вытѣсненіи оставшагося населенія. До 23-го числа всѣ должны были продолжать разработку дорогъ, а съ 23-го начать общее наступленіе.

Далѣе въ инструкціи прибавлялось, что наступленіе должно вести такъ можно рѣшительнѣе, чтобъ разомъ навести на горцевъ страхъ и доказать имъ невозможность сопротивленія; истреблять жилища ихъ до тла; съ жителями поступать какъ съ плѣнными; въ плѣнъ брать только тѣхъ, которые будутъ выходить сами; въ переговоры не вступать, а если придутъ съ этою цѣлю къ кому-нибудь депутаты, то отсылать ихъ къ генералу Гейману; вступать постоянно въ сношеніе съ сосѣдними колоннами; согласовать свои дѣйствія въ главныхъ чертахъ съ дѣйствіями той колонны, гдѣ будетъ находиться генералъ Гейманъ. Въ случаѣ изъявленія хакучинцами желанія на переселеніе въ Турцію препровождать ихъ къ устью рѣки Псезуаше.

Движеніе нашего отряда могло быть произведено по тремъ дорогамъ: по кратчайшей, которая шла отъ засѣки на высокомъ курганѣ, прямо къ перевалу; но она была вся перерѣзана сильными завалами и хорошо оберегаема горцами; по другой, тянущейся между Пшехой и Гугушомъ, тоже много испорченной непріателемъ, и по третьей, кружной, несравненно длиннѣйшей, которая шла сначала по сильно-всколмленной мѣстности ущелья рѣки Гогопса, потомъ переходила на восточный скатъ горнаго отрога, полукругомъ огибающаго истоки рѣки Гугупса, и только на сѣверной отлогости главнаго хребта соединялась она съ прямой дорогой, идущей отъ засѣки.

Полковникъ Мерхилевичъ, имѣя постоянно въ виду предви-

саніе графа Евдокимова дѣйствовать по возможности безъ потерь, не рѣшался идти по кратчайшимъ дорогамъ и выбралъ кружную, по рѣкѣ Гогопсъ, которая слабѣ другихъ наблюдалась горцами; встаети, движеніе по ней согласовалось и съ инструкціей генерала Геймана.

Дождались наконецъ 23-го іюля, и наступленіе началось: пять баталіоновъ пѣхоты, три горныхъ орудія, раздѣленные на три колонны, одна за одной начали сниматься съ позиціи около трехъ часовъ ночи: сначала тронулся авангардъ, подъ командою подполковника Иванова (*); въ четыре часа выступилъ длинный обозъ всѣхъ частей, самая слабая часть отряда, подъ командою подполковника Давыдовича, при которой находился и начальникъ отряда (**), а арьергардъ выступилъ часу въ седьмомъ утра, подъ начальствомъ майора Саранчева (***) . Въ засѣнкѣ же, по прежнему, оставались баталіонъ Ставропольскаго пѣхотнаго полка и одно орудіе батарейной № 3-й батарей.

Чтобъ перейти въ ущелье Гогопсъ, нужно было сначала отступить по дорогѣ къ Тубинской засѣнкѣ, потомъ, не доходя до нея, круто повернуть налѣво. Недолго шли мы вдоль Гогопса: переходя непрерывно то на правый, то на лѣвый берегъ рѣки, вскорѣ нужно было перевалить къ верховью рѣки Гугупса, отгороженному отъ Гогопса дугообразнымъ хребтомъ значительной высоты. Перевалили и его.

Осматривая эти мѣста, мы замѣтили, что въ земледѣліи не такую важную роль играетъ искусство, какую нужда. Кому не случалось слышать отъ пріѣзжающихъ изъ-за границы презамѣчательные рассказы по этой части; но, вѣроятно, никто изъ нихъ не передавалъ о возможности обдѣлывать поля по скатамъ крутизною въ 50°, а мы видѣли подобныя мѣста со стѣльнымъ овсомъ и рѣшительно недоумѣвали какимъ способомъ обдѣлывали горцы землю: „голь на выдумки хитра!“ Эта же самая нужда заставила ихъ сжигать лѣса на вершинахъ холмовъ,

(*) Состоявшій изъ 4-го баталіона Кубанскаго пѣхотнаго полка; 2-хъ ротъ 19-го стрѣлковаго бат.; одного горнаго орудія батарейной № 3-й батарей; командъ охотниковъ и нѣсколькихъ казаковъ.

(**) Прикрытіе обоза составляли: 1-й бат. Елисаветпольскаго, 3-й бат. Кубанскаго пѣхотныхъ полковъ; 2 роты линейнаго сводно-стрѣлковаго бат. Кубанской области и горное орудіе облегченной № 3-й батарей.

(***) Арьергардъ состоялъ изъ 2-хъ ротъ сводно-стрѣлковаго баталіона Кубанской области, 2-хъ ротъ Елисаветпольскаго полка и горнаго орудія облегченной № 3-й батарей.

со сколько-нибудь обширными площадками, почему и видъ на хакучинскія высоты, между которыми торчали вершины, увѣнчанныя сухими, обгорѣлыми мачтами, вмѣсто деревьевъ, имѣлъ свою особенность.

Путь нашъ пролегалъ постоянно то по балкамъ, густо заросшимъ дикими фруктовыми деревьями, то по высотамъ среди прекрасныхъ, старыхъ лѣсовъ, изрѣдка встрѣчая и небольшіе аулы. Наконецъ подошли къ послѣдному истоку Гугупса и повернули налѣво по правому берегу рѣки. Тутъ пришлось намъ подыматься на высокую сопку, лавируя между безчисленнымъ количествомъ поваленныхъ деревьевъ, которыми весь скатъ заплетался какъ паутиной. Работа для расчистки проходовъ задержала на ней средній эшелонъ на столько, что арьергардъ догналъ его. Вскорѣ гора обратилась въ муравейникъ, въ которомъ одни ползли наверхъ, другіе работали, третьи помогали вьючнымъ лошадямъ, и т. д.

Подстерегли таки хакучинцы этотъ моментъ и довольно частыми выстрѣлами изъ окрестныхъ лѣсистыхъ балокъ и съ высотъ начали провожать наше восхожденіе. Тутъ они показали, что, стрѣляя безъ промаха на 30 шаговъ, еще не могли назваться хорошими стрѣлками, почти безвредно пуская пули въ такую громадную цѣль. Долго подымались войска на коническую гору. Часа въ четыре арьергардъ подошелъ къ подножію главнаго хребта, а авангардъ былъ въ это время на вершинѣ его; онъ шелъ быстро, не исправляя дороги, торопясь занять скорѣе перевалъ, чтобы, явившись надъ головами хакучинцевъ, заставить стоящихъ передъ засѣлкой, какъ обойденныхъ, отступить и тѣмъ очистить тылъ и дорогу для остальныхъ частей отряда.

Сначала процессъ взбиранія на гору былъ еще кое-какъ сносенъ; но потомъ тропинка становилась все круче. Утомленные солдаты, подъ сильной жарой, теперь едва передвигали ноги; толпы отсталыхъ кое-какъ тянулись съ арьергардомъ, опасаясь въ лѣсахъ оторваться отъ колонны. Съ наступленіемъ сумерекъ затрудненія стали увеличиваться. Наконецъ совершенно стемнѣло: изъ силъ выбившіеся люди падали отъ малѣйшаго препятствія; тихіе стоны по сторонамъ говорили о той тратѣ силъ, которая уничтожала въ несчастныхъ страхъ отстать и быть убитыми противникомъ; вьючныя лошади съ громомъ начали срываться въ пропасть; ежеминутныя остановки еще болѣе утомляли войска. „Послать рабочихъ!“ непрерывно раздавалось

то спереди, то сзади; шумъ и споръ ихъ, оцущью подымавшихъ свалившихся животныхъ, разносились по лѣсу; сигналъ „стой“ чаще сталъ слышаться въ арьергардѣ и передаваться по всей колоннѣ. Наконецъ усталость, количество отсталыхъ, ночныя суматохи, отъ падающихъ въ кручу, не позволяли двигаться далѣе. Остановились, развьючили лошадей и поставили поперекъ тропинки, чтобы не держать ихъ на вѣсу; ослабѣвшіе люди, вслѣдъ за ранцами, бросились на землю, болѣе бодрые развели огонь и пошли разыскивать воду, но поиски были напрасны. Не имѣя возможности утолить жажду, мучившую всѣхъ, и сварить пищи, солдаты довольствовались хотя правомъ уснуть; лошади тоже занялись астрономіей, и чрезъ нѣсколько времени притихло все.

Замѣчательно мнѣніе кавказцевъ относительно движенія этого дня. Узнавъ на Пшенантхъ, что полковникъ Мерхилевичъ намѣревался предпринять движеніе по обходной дорогѣ, большинство бывалыхъ офицеровъ говорили другое: они предпочитали движеніе по прямой дорогѣ, увѣряя, что это несравненно лучше для войскъ. Большой опасности они не допускали при атакахъ непріятельскихъ засѣкъ, которыя всегда можно было обходить съ обоихъ фланговъ; лѣсъ, покрывавшій все это пространство, уравнивалъ наши шансы съ шансами противника; десятиверстное пространство отъ засѣвки до главнаго хребта, несмотря на перестрѣлки, было бы пройдено легко и скоро; потерю понесли бы, какъ они рассчитывали, не болѣе 20 человекъ, и то при атакѣ перваго завала, потому что въ остальные пришлось бы врываться по пятамъ бѣгущихъ; люди были бы бодры и веселы, какъ обыкновенно послѣ неутомительнаго перехода и удачныхъ схватокъ; предписаніе командующаго войсками, чтобъ дѣйствовать по возможности безъ потерь, было бы выполнено точнѣе, потому что круговая, почти 35-верстная дорога, идущая по сильно-изрытой мѣстности, при іюльской жарѣ, могла быть пагубна для здоровья солдатъ, навьюченныхъ, кромѣ всѣхъ припасовъ, еще шанцовыми инструментами. Офицеры рассчитывали, что большыхъ послѣ этого передвиженія будетъ болѣе 60 человекъ, стало быть и больше выбывшихъ изъ строя; кромѣ того они предсказывали, что такое утомленіе поведетъ за собою вредное настроеніе духа войскъ. Намъ казалось тогда, что старые кавказцы были правы, потому что войска дѣйствительно выбились изъ силъ

и заболѣвшихъ лихорадкой вышло больше предполагаемой цѣфры.

Къ утру и остальные поднялись на гору, уронивъ въ промѣну еще нѣсколько лошадей съ вьюнами. Пока прибывшія на гору части готовили себѣ обѣдъ, баталіоны, составлявшіе вчера авангардъ, а за ними и прикрытіе обоза, начали передвиженіе на высокій, впереди насъ торчавшій, хребетъ; поидѣе перешель туда и аріергардъ.

Чудный видъ раскрылся передъ нами, какъ съ южной, такъ и съ сѣверной стороны этой горы: впереди цѣлыя тысячи каменистыхъ вершинъ торчали изъ густѣйшихъ лѣсовъ; лощины, перерѣзывавшія все пространство, шли по всеѣмъ направлѣніямъ, повидимому, безъ всякаго закона, а вдали темной снѣговой видѣлось море, съ бѣлыми движущимися по немъ точками. Сзади насъ открывалось значительное пространство съ тѣмъ же хаосомъ вершинъ и трещинъ, по которымъ пролегалъ пройденный нами путь; вдали, на Шенаитхъ, бѣлѣлись палатки, а высоко торчащая скала, лѣвѣе Тубинской засѣки, видѣющаяся съ этой высоты, утрачивала свое величіе, и все это рисовалось подъ ногами въ миніатюрѣ, какъ на красивой, но трудной для работы, топографической модели.

Около четырехъ часовъ послышались выстрѣлы; черезъ нѣсколько времени показались впереди войска, темною полоской изгибавшіяся внизу по извилинамъ нѣсколькихъ холмовъ; въ аріергардѣ у нихъ шла перестрѣлка. То былъ даховскій отрядъ. Подойдя ближе, онъ расположился въ виду насъ лагеремъ на одной изъ болѣе ровныхъ мѣстностей при рѣкѣ Хакучепси.

Ночь съ 24-го на 25-е іюля провели мы на горѣ. Холодъ былъ сильный: только костры и могли обогрѣвать солдатъ. Судя по молодой травѣ, только-что пробившейся между старой, и по рыхлости почвы, можно было навѣрно сказать, что снѣгъ сошелъ здѣсь очень недавно, и что лѣто на этой высотѣ не продолжается долѣе двухъ мѣсяцевъ.

Вечеромъ, того же числа, получено было отъ генерала Геймана предложеніе нашему отряду спуститься на другой день съ высоты и стать около его позиціи, гдѣ онъ рѣшилъ ожидать колонны полковника Рукевича, при чемъ объяснилъ, что мы находимся теперь въ центрѣ хакучей. На другое утро мы рано примкнули къ его позиціи (около Хакучинской засѣки, постройка которой началась съ 26-го числа). Немногочислен-

нами оказался даховскій отрядъ: всего семь стрѣльцовыхъ ротъ, около двухъ сотенъ милиціонеровъ, между которыми были имеретинцы и абхазцы, да двѣ сотни казаковъ и два горныхъ орудія.

Несмотря на большую пересѣченность мѣстности съ южной стороны хребта, чѣмъ съ сѣверной, тутъ можно было найти болѣе удобныхъ мѣстъ для полевовъ, нежели среди гѣсовъ сѣверныхъ отроговъ; порой встрѣчались цѣлыя горы, засеянные по преимуществу овсомъ, кукурузой и пресомъ; въ изобиліи попадались намъ также обыкновенный горохъ, а около нѣкоторыхъ ауловъ были довольно обширные огороды съ овощами, которыхъ мы прежде не встрѣчали у горцевъ, именно: съ капустой, огурцами, лукомъ, чеснокомъ и картофелемъ. При этомъ невольно приходило на мысль, что огороды принадлежали козьявамъ, которые когда-нибудь да были русскими.

На другой день, вокругъ позиціи, запылали оставленные аулы, и среди дыма, отъ времени до времени, раздавались выстрѣлы нашихъ милиціонеровъ, на которыхъ была возложена обязанность истреблять ихъ. Вскорѣ въ артельныхъ котлахъ закипѣла наваленная въ изобиліи капуста, картофель и другія приправы русскихъ огородовъ. Въ одной изъ сакель найдена была кавалерійская труба, по догадкамъ нѣкоторыхъ, та самая, что была отбита у насъ при гибели парти отника Дугина.

Часамъ къ пяти, съ юго-восточной стороны, по ущелью, показалась ожидаемая колонна полковника Рукевича, состоявшая изъ трехъ баталіоновъ нѣкотои Пятигорскаго пѣхотнаго полка и значительнаго количества милиціонеровъ. Итакъ, всѣ три отряда сошлись въ центрѣ хакучей, потерявъ въ общей сложности не болѣе 48 человекъ убитыми и ранеными. 27-го іюля были отправлены колоны за провіантомъ, а 28-го отрядъ изъ милиціонеровъ и охотниковъ всѣхъ баталіоновъ, подъ начальствомъ полковника Абдеррахманова, выступилъ къ сѣверо-западу отъ нашей позиціи, запасшись трехдневнымъ провіантомъ.

Страна, противъ которой мы выставили почти четырехтысячную массу войскъ, противодействовала намъ только сильными природными препятствіями, а живыхъ защитниковъ, съ оружіемъ въ рукахъ, врядъ-ли было болѣе тысячи. Трудно сказать, что руководило ихъ дѣйствіями, но нельзя отнять ихъ достоинства: они были воинственны и крайне единодушны: ни одного ла-

зучива, ни одного проводника не являлось къ намъ съ ихъ стороны; во все время дѣйствій до этого времени ни одного парламентаря не высылали они съ просьбою о мирѣ, да и ни одинъ человѣкъ не попался намъ въ плѣнь, до прибытія на эту позицію. Понимая всю слабость свою, хакучинцы разсыпались по трупобамъ: скрываясь удобно не только вдали отъ войскъ, но и около нашего расположенія, они выжидали оплошныхъ одиночныхъ людей и убивали ихъ въ упоръ. Въ разныхъ мѣстахъ, отъ времени до времени, раздавались ихъ выстрѣлы и почти ежедневно прибывало хоть однимъ раненымъ больше. Все это, конечно, не могло вредить нашей экспедиціи, но за то крѣпко сердило нашихъ солдатъ, которые часто проклинали и эти дебри, и упорство туземцевъ къ выселенію, вслѣдствіе котораго пришлось имъ бродить по труднымъ дорогамъ въ то время, когда большинство войска уже отдыхало по станицамъ, окончивъ тяжелые походы. Въ зависимости отъ такихъ мыслей невольнo рождался и другія: что еслибъ абадзехи и другія племена также единодушно условились биться до послѣдняго? При ихъ большей числительности, они навѣрно сдѣлали бы то, что мы прошлаго года были бы не далѣе Гойтхъ. Впрочемъ, предложеніе желающимъ начать выселеніе въ Турцію ускорило окончаніе войны, разстроивъ общество, стало быть и ослабивъ энтузіазмъ къ упорной оборонѣ. Въ большомъ обществѣ трудно прививается такое единодушіе, какимъ были проникнуты хакучинцы.

29-го числа прибыли колонны съ провіантомъ, снабдивъ имъ войска по 16-е августа, а къ 30-му полковникъ Абдерахмановъ окончилъ свою экспедицію, приведя рѣдкій призъ — трехъ плѣнниковъ. Между тѣмъ, засѣвка была уже на столько окончена, что два горныхъ орудія облегченной № 3-го батареи и баталіонъ Таманскаго пѣхотнаго полка заняли ее какъ гарнизонъ.

Съ этого времени хакучинская экспедиція принимаетъ серьезный характеръ. Невольно рождался вопросъ: какой способъ нужно было принять противъ такой страны, которая была почти пуста, но которую все-таки нельзя было назвать странною, принадлежащею намъ? Каждый получившій свѣдѣнія о хакучинцахъ и о мѣстности, гдѣ жили они, ясно пойметъ, что отыскивать жителей значило гоняться за вѣтромъ въ погѣ, а подвигаться постройками хуторовъ — не стоило труда, какъ по неудобству

мѣсть для большихъ поселеній, такъ и по мѣшкотному достиженію цѣли; между тѣмъ, изгнать жителей было необходимо, чтобъ уничтожить разбойничій притонъ. Вслѣдствіе этого, какъ вѣрнѣйшій и скорѣйшій способъ покончить съ ними всѣ расчеты, было предложено уничтожить весь хлѣбъ на корню и все, что могло служить поддержаніемъ существованія жителей, и затѣмъ на зиму распустить войска по штабъ-квартирамъ. Но и эта задача была нелегка: истребленіе хлѣбовъ должно было тоже потребовать не мало времени, а все-таки способъ этотъ, какъ лучшій и скорѣйшій, былъ принятъ всѣми. Вотъ что генераль-маіоръ Гейманъ предлагалъ начальникамъ отрядовъ для дальнѣйшихъ дѣйствій.

1) Необходимо держать войска до поздней осени. Устроить хакучинскую кордонную линію по Псезуапе до Хакучинскаго редута, оттуда къ перевальной засѣкъ и на Тубу, для чего предполагалось въ оконченномъ уже Хакучинскомъ редутѣ оставить два баталіона пѣхоты и два горныхъ орудія, разработать отъ него дорогу до Лазаревскаго укрѣпленія, по этой линіи устроить посты, по которымъ предполагалось разбить еще баталіонъ; для соединенія Хакучинской и перевальной засѣкъ устроить промежуточный постъ (*).

2) Для уничтоженія всѣхъ жилищъ невыселившихся еще горцевъ и для истребленія хлѣбовъ предполагались движенія по верховьямъ рѣкъ Туапсе, Псезуапе и далѣе, между истоками Псезуапе и Шахе, которое должно было начаться 1-го или 2-го августа, то есть послѣ того, какъ возвратившійся отрядъ полковника Абдеррахманова успѣетъ сдѣлать дневку, а Пятигорскій полкъ совершенно окончить порученный ему Хакучинскій редутъ. При этомъ генераль Гейманъ предлагалъ полковнику Мерхилевичу очистить бассейнъ рѣки Аше и, если не встрѣтитъ препятствія, выступить туда съ отрядомъ на другой же день, 31-го іюля, оставивъ на позиціи всѣ тяжести, подъ прикрытіемъ баталіона, а по возвращеніи съ пятидневнаго набѣга выступить на сѣверный склонъ, гдѣ пшехскій отрядъ долженъ былъ дѣйствовать отдѣльно, посылая отъ времени до времени небольшіе отряды и на южную сторону хребта.

3) Когда истребятся хлѣбъ и жилища, послѣднія убѣжища горцевъ на западномъ Кавказѣ, тогда останется только силою

(*) Этотъ соединительный постъ такъ и остался предположеніемъ, между тѣмъ какъ постройка его принесла бы много пользы.

оружія заставить скорѣе выселиться безъ пристанища скитающихся горцевъ. Для этого распорядитель хакучинской экспедиціи предлагалъ всѣмъ частямъ сформировать небольшія команды охотниковъ и посылать ихъ во всѣ стороны, въ особенности осенью, когда спадаютъ листья; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обѣщался просить разрѣшенія у командующаго войсками Кубанской области присоединить къ нимъ, для этой же цѣли, и милицію.

Конечно, всѣ предположенія, касавшіяся до ппехскаго отряда, были приведены въ исполненіе въ точности.

Чуть засвѣрѣло въ воздухѣ, 31-го іюля, какъ 4¹/₂ баталіона пѣхоты, съ малочисленною сотнею казаковъ, были уже въ строю, и подполковникъ Ивановъ, которому была поручена эта колонна, повелъ ее къ верховьямъ Аше.

Переваливъ въ тотъ же день довольно высокій хребетъ, войска прибыли къ слиянію двухъ притоковъ Аше — Нетхо-Готхо и Санафей. Послѣ двухчасоваго отдыха, войска тронулись вверхъ по этимъ рѣкамъ и въ теченіе остальныхъ четырехъ дней занимались уничтоженіемъ посѣвовъ и жилья. Много трудовъ перенесли они, карабкаясь по едва доступнымъ скаламъ, сдѣлавшимся еще неодолимѣе отъ непрерывно шедшихъ проливныхъ дождей. 2-го августа началось обратное движеніе: девять стрѣлковыхъ ротъ и команда охотниковъ, раздѣленные на двѣ части, двинулись двумя отдѣльными колоннами, одна въ ущелье Шоожъ, другая въ ущелье Аше, опустошая на пути всѣ окрестности. Въ этотъ день произошла небольшая перестрѣлка, лишившая насъ двухъ рядовыхъ; наши же успѣли захватить порядочное количество скота и уничтожить посѣвы на огромномъ пространствѣ. Въ одномъ мѣстѣ хакучинцы начали было бросать со скалы камень; но шалость эту скоро остановили, и войска прошли безпрепятственно. 3-го августа они были уже на позиціи при Хакучепси, а черезъ день, 5-го числа, ппехскій отрядъ отдѣлился отъ даховскаго и снова взобрался на вершину главнаго хребта Хорзешо.

На слѣдующій день намъ снова пришлось испытать оригинальное явленіе горной природы: рано утромъ страшная буря разбудила всѣхъ; рѣдкая палатка устояла противъ бѣшеныхъ порывовъ вѣтра; люди, лишенные палатокъ, едва могли выдерживать боль: до того сильно свѣла по лицу какая-то крупа, въ видѣ мелкаго града; лошади не шли противъ вѣтра, и подобное оскорбленіе приходилось переносить намъ въ августѣ

мѣсяцѣ! Погода такого свойства продержалась цѣлый день; къ вечеру дождь притихъ; стало какъ-то особенно темно, и вдругъ надъ нами, какъ на сценѣ при быстрой перемѣнѣ декораций, раскрылось чистое небо, а на высотѣ съ нашею горой стояли плотныя сплошныя массы облаковъ, похоронившія подъ собою всю окрестность и образовавшія изъ своихъ глыбъ какія-то причудливыя, тихо-движущіяся горы гигантскихъ размѣровъ; потому они сѣли еще ниже, и холодная, безоблачная ночь съ безчисленными звѣздами обѣщала хорошую погоду. Не ошиблись мы въ своемъ ожиданіи: ярко взшедшее солнце на слѣдующій день поздравило насъ съ добрымъ утромъ.

Весело какъ-то потянулась колонна въ Тубинскую засѣку за провіантомъ, а часть оставшагося отряда приступила къ постройкѣ поста, подъ руководствомъ прапорщика 2-го казачкаго сапернаго баталіона Чоголова.

Дѣятельность пшехскаго отряда охватывала въ это время огромное пространство. Часть его находилась на перевалѣ у Чилипси и занималась разработкою дороги отъ Гойтхъ на Туапсе; другая, небольшая, прокладывала дорогу по правому берегу Пшехи, черезъ скалу, и стояла лагеремъ между Тубинской засѣкой и ст. Самурской; третья оберегала складъ въ засѣкѣ, а четвертая, главнѣйшая, составляла дѣйствующую часть его. Пшехскій отрядъ, будучи временно обезсиленъ и низведенъ на степенъ второстепеннаго уменьшеніемъ его состава и удаленіемъ отъ театра военныхъ дѣйствій, теперь опять, по многочисленности своей и по разнообразію трудовъ, сталъ главнѣйшимъ и полезнѣйшимъ изъ всѣхъ. Ему принадлежитъ большая часть славы за тѣ результаты, которые были поднесены нашему отечеству всею кавказскою арміею.

Дорога, проводимая черезъ перевалъ у Чилипси, была продолженіемъ той, которую пшехскій отрядъ безъ посторонней помощи (*) проложилъ отъ Хадыжей на Гойтхъ еще въ 1863 году. Но и при этомъ же обошлось-таки безъ столкновеній съ горцами.

Жители вновь заселенной Чилипсиинской станицы, посѣщая сосѣднія ущелья, замѣтили, что въ вѣкоторыхъ глухихъ мѣстахъ горцы продолжаютъ себѣ жить на прежнихъ мѣстахъ. Плохо разсчитали они выгоды своей жизни въ родныхъ тру-

() Потому что не стоить считать пятиверстный участокъ, проведенный диковскими отрядами за все время стоянки на Гойтхъ.

побахъ, предполагая, вѣроятно, что если по безчисленности балокъ наши войска не могли побывать во всѣхъ, то больше ужъ и не покажутся. Свѣдѣнія эти имѣли однако характеръ серьезный, потому что лѣто приходило къ концу, стало быть замѣченные горцы протягивали время не для сборовъ своего имущества, а рѣшительно думали остаться на зимовку. Опасаясь дурныхъ послѣдствій, немедленно была наряжена колонна изъ десяти ротъ Абхазскаго пѣхотнаго полка. Въ ночь на 1-е августа, отрядъ этотъ тихо подошелъ къ тому хребту, на другою скатъ котораго находились аулы. Раздѣленный на четыре части, онъ съ разныхъ сторонъ долженъ былъ атаковать ихъ. Успѣхъ ожидался полный; даже отданъ былъ приказъ, чтобъ употреблять всѣ силы для схватыванія жителей безъ боя. Но когда войска наши показались на вершинѣ хребта, то собаки въ аулахъ, какъ гуси въ Римѣ, подняли всѣхъ жителей на ноги; пораженные паническимъ страхомъ, горцы бѣжали во всѣ стороны, скрываясь по лѣсамъ. Несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ открыли пальбу, наши бѣгомъ кинулись въ аулы, которые уже были пусты, и успѣли захватить только двѣнадцать человекъ да 170 штукъ разнаго скота.

Войска же, назначенныя проводить дорогу по Пшехѣ, дѣйствовали не такъ успѣшно, кажется, по недостатку бурильныхъ инструментовъ, и задерживали этимъ жителей предполагаемой станицы Тубинской, безъ дѣла стоявшихъ бивуакомъ около поста Чуэпсинскаго.

Съ выступленіемъ войскъ изъ Тубинской засѣки, въ окрестностяхъ ея не происходило ничего особеннаго, почему и стоявшее тамъ прикрытіе оставалось безъ дѣла.

Экспедиціонная же часть отряда, окончивъ 8-го августа засѣку на перевалѣ, спустилась съ высоты и прибыла 9-го числа въ Тубинскую, оставивъ на горѣ, въ видѣ гарнизона, сводно-стрѣлковый баталіонъ Кубанской области. Захворавшій начальникъ отряда отправился въ Майкопъ, возложивъ на подполковника Иванова весь ходъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Энергически принялся новый командиръ за дѣло.

Къ сѣверу отъ главнаго хребта, гдѣ приходилось дѣйствовать шпехскому отряду, оставалось еще много ауловъ, принадлежавшихъ шапсугамъ, которымъ не хотѣлось выселяться, и замѣчены обширные посѣвы. Истребить совершенно то и другое было главною задачею для нашихъ войскъ.

Сформировавъ отрядъ изъ 4½ баталіоновъ пѣхоты и двухъ сотенъ казаковъ (*), подполковникъ Ивановъ, 12-го августа, оставилъ Тубинскую засѣку и направился вверхъ по р. Гогопсу; дойдя до того мѣста, гдѣ видѣлось больше ауловъ и чаще попадались засѣянные поля, онъ остановился, разбивъ лагерь при р. Вазуко, притокъ Гогопса. Переходъ былъ не великъ—всего двѣнадцать верстъ, войска не утомлены; поэтому въ тотъ же день, часа въ три послѣ полудня, часть отряда была направлена внизъ по Гогопсу для истребленія брошенныхъ уже ауловъ и посѣвовъ, которые были замѣчены утромъ при движеніи колонны. 13-го, съ тою же цѣлю, назначенъ былъ небольшой отрядецъ вверхъ по Гогопсу, гдѣ встрѣтилъ онъ нѣчто въ родѣ сопротивленія. Такъ продолжали мы опустошать окрестности нашей позиціи при Вазуко.

Система войны, принятая въ этихъ мѣстахъ, дѣйствительно была лучшая: истребленіе насущнаго пропитанія передъ зимой и лишеніе возможности достать его даже покупкой въ обезлюженныхъ окрестностяхъ сломили—таки непреклонность одичалыхъ хакучинцевъ, которые начали выбирать уполномоченныхъ, чтобъ вступить съ нами въ переговоры.

Генераль Гейманъ, въ письмѣ своемъ начальнику пешеходнаго отряда отъ 13-го августа, писалъ:

„Движеніе наше для истребленія хлѣбовъ, какъ кажется, послужить къ лучшему результату.

„Сегодня, въ 12 часовъ утра, приходилъ почетный старшина, абадзехъ, съ просьбою на полученіе билета на десять семействъ для переселенія въ Турцію. Старикъ этотъ отправился обратно и прибудетъ послѣзавтра. Къ вечеру, сегодня, приходилъ шапсугскій старшина и объявилъ, что онъ завтра придетъ со старикомъ своего аула за полученіемъ билета для выселенія на Лабу...“

15-го августа, на позицію нашего отряда тоже понаѣхали горцы съ той же цѣлю. Часа въ три послѣ обѣда подполковникъ Ивановъ принялъ ихъ для обсужденія условій, облегчавшихъ выселеніе.

Дѣйствія отряда однако не прекращались: заботливо собирая свѣдѣнія объ аулахъ и засѣянныхъ поляхъ, мы не остав-

(*) 2 роты 19-го стрѣлковаго баталіона; 2-й и 4-й баталіоны Кубанскаго, одинъ баталіонъ Елисаветпольскаго, одинъ баталіонъ Ставропольскаго кѣхотинскъ полковъ; команда охотниковъ и малочисленныя сотни 2-й и 8-й бригады.

ляли безъ вниманія и бродящихъ жителей; для рязансканія ихъ, во всѣхъ частяхъ были сформированы мелкія охотничьи партіи, которыми съ этою цѣлю дѣйствовать было удобнѣе, чѣмъ большими массами; вдобавокъ, занимаясь специально только преслѣдованіемъ противника, они давали возможность отрядамъ не прерывать своихъ занятій. Итакъ, противъ горцевъ открытъ былъ тотъ же способъ дѣйствій, которымъ они надѣлали намъ вначалѣ; теперь, въ свою очередь, охотники стали сильно дожимать ихъ: тихо подкрадывались они къ мѣстамъ ихъ сбора и смертію нѣкоторыхъ изъ собесѣдниковъ поканчивали интимныя бесѣды. Замѣтивъ производящіяся на поляхъ работы, они накрывали неожиданно рабочихъ и сопровождали ихъ плѣнными въ отрядъ; замѣтивъ слѣды стада, они не оставляли его, и послѣдняя надежда горцевъ на пропитаніе отбивалась нашими молодцами; швыряя по всѣмъ направленіямъ, они не давали противнику покоя, не позволяли ему оставаться долго въ неизвѣстности, а, сообщая обо всемъ, знакомили начальниковъ съ положеніемъ хакучей, которое съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже. Вотъ два эпизода изъ походовъ охотниковъ.

Оставленный въ перевальной засѣдкѣ, кавказскій линейный сводно-стрѣлковый баталіонъ Кубанской области сформировалъ свою команду охотниковъ изъ 30 человекъ, подъ командою унтеръ-офицера, какъ для огражденія себя отъ внезапныхъ нападений, такъ и для знакомства съ окружающею мѣстностію и розысковъ непріятельскихъ убѣжищъ. Бродя по скатамъ хребта и по болотистымъ мѣстамъ, охотники нечаянно наткнулись на свѣжій слѣдъ стада, увлеклись приманкой и пошли по слѣду. Недолго приходилось имъ переваливать крутые горные отроги: вскорѣ замѣтили они отару овецъ, оберегаемую десятью вооруженными горцами, вѣровавшими въ скрытность этого мѣста и неподозрѣвавшими близость подкрадывавшихся пастуховъ. Зилпъ и внезапное „ура!“ вдругъ измѣнили ихъ безопасность въ безвыходное положеніе; слабое сопротивленіе повело только къ тому, что часть пастуховъ легла на мѣсто, часть разбѣжалась, а 170 штукъ барантъ прибыли къ перевальной засѣдкѣ, для поправки артельныхъ суммъ. Это было 12-го августа.

Въ другой разъ, тѣ же охотники, замѣтивъ, 2-го сентября, дымомъ, пробравшійся между деревьями, кинулись въ ту

сторону, осторожно подкралась поближе, прилегли и начали подползать. Тутъ они увидѣли между деревьями небольшою костеръ, около котораго сидѣли до 20 горцевъ. Разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ этого мѣста, стало уже не велико, и они приостановились. По приказанію унтеръ-офицера, половинное число ружей навели дула на костеръ; раздались выстрѣлы, и охотники кинулись въ штыки. Какъ робкіе зайцы бросились несчастные отъ такого сюрприза, уводя съ собою раненыхъ; на мѣстѣ же осталось только два труна. По осмотрѣ, у одного изъ нихъ оказался въ карманѣ сабьянный чемоданчикъ, въ которомъ находились разные вещицы: бритва, шило, ланцетъ, ножницы, иглы, молотокъ, молитвенникъ; кромѣ того, въ тряпицѣ была завернута бронзовая медаль. Страннаго сорта попадались иногда халучицы.

Не меньшею неутомимостію отличались и тѣ охотничьи команды, которыя дѣйствовали при отрядахъ. Въ Тубинскую засѣнку заходили онѣ только для пополненія израсходованныхъ запасовъ. Еслибъ описывать каждое ихъ движеніе, то вышло бы крайне однообразное повѣствованіе. Опредѣляя вкратцѣ ихъ дѣятельность, можно сказать, что ими было истреблено тоже не мало ауловъ и посѣловъ, захвачено порядочное количество плѣнныхъ и что, вообще, онѣ сильнѣйшимъ образомъ беспокоили противниковъ.

Отрядъ нашъ, между прочимъ, очистивъ всю окрестность рѣки Вазуко, сошелъ съ этой позиціи 16-го августа и занялъ новую—ниже, при рѣкѣ Бонвой; избравъ и ее центромъ, снова огнемъ и мечемъ началъ во все стороны проводить радіусы, усердно истребляя все, что могло способствовать хоть къ кратковременному облегченію жизни горцевъ. 22-го числа восемь семействъ прибыло въ лагерь съ выраженіемъ желанія выселиться на Лабу. Того же числа отрядъ возвратился въ Тубинскую засѣнку.

Нѣкоторыя необходимыя приготовленія къ смотру генерала отъ инфантеріи барона фонъ-Врангеля, пріѣзжавшаго инспектировать войска по высочайшему повелѣнію, остановилъ на время ходъ военныхъ дѣйствій.

Конецъ августа и начало сентября отрядъ проводилъ въ отправленіи баталіоновъ къ тѣмъ пунктамъ, которые назначались сборными для смотровъ: такъ, къ 1-му сентября сосредото-

точили въ укрѣпленіи Хадыжахъ 4 баталіона пѣхоты (*), въ ст. Ширванской—6 бат. пѣхоты (**).

На этихъ пунктахъ войска выжидали дня прибытія инспектора до 7-го сентября; но около того же числа вездѣ получено было приказаніе сосредоточить всѣ баталіоны близъ укрѣпленія Майкопа, по случаю болѣзни барона Врангеля, помѣшавшей ему самому объѣхать вышеозначенныя мѣста. Къ 9-му числу, по лѣвому берегу Бѣлой, противъ укрѣпленія раскинулся обширный лагерь тѣхъ частей войскъ, которымъ слѣдовало прибыть на смотръ. Съ 11-го по 17-е число, по мѣрѣ окончанія смотра, часть за частью выступали изъ лагерей на свои позиціи, которыя были не много измѣнены въ сравненіи съ прежнимъ расположеніемъ: 2-й баталіонъ Абхазскаго полка отправился на Пшишь для разработки дороги, 1-й баталіонъ Дербентскаго полка пошелъ въ засѣку на перевалѣ, для смѣны сводно-стрѣлковаго баталіона Кубанской области, который, въ свою очередь, назначался въ ст. Пшишскую для постройки моста; остальные 4 баталіона были направлены къ Маратуковскому посту, для разработки дороги до Тубинской засѣки.

Пока баталіоны были на смотру, въ отрядъ прибылъ дивизіонъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Удобство уничтожать лошадьми хлѣба на поляхъ дѣлало присутствіе кавалеріи полезнымъ, а изобиліе корма избавляло отъ хлопотъ по части продовольствія ея.

Чтобы не терять времени, подполковникъ Ивановъ, взявъ эскадронъ драгунъ и Григориполійскую сотню, отправился вверху по Гугупсу, чтобъ удостовѣриться, скрываются ли еще горцы около перевала и есть ли неистребленные постѣвы и жилища. Безъ препятствій со стороны противника дошелъ онъ до перевала; но какъ только начали отступать, имъ ясно слышались крикъ и два татарскихъ выстрѣла. Колонна остановилась и съ убійственнымъ терпѣніемъ, не нарушая тишины, довольно долго выжидала либо появленія горцевъ, либо повторенія какого-нибудь намёка на близкое ихъ присутствіе. Бесплодно прождавъ на этомъ мѣстѣ, кавалерія направилась къ

(*) 2-й баталіонъ Дербентскаго, 3-й бат. Елисаветпольскаго и 1-й и 2-й бат. Абхазскаго пѣхотныхъ полковъ.

(**) 1-й баталіонъ Озавропольскаго, 2-й бат. Кубанскаго, 1-й и 3-й бат. Дагестанскаго, 1-й 2-й бат. Елисаветпольскаго пѣхотныхъ полковъ.

Тубинской засѣкъ. Однако и то, что было слышно, болѣе или менѣе указывало на присутствіе жителей; поэтому устроена была облава. Капитанъ Рудзинскій, съ тремя ротами Ставропольскаго пѣхотнаго полка, долженъ былъ скрытными тропинками осторожно подойти къ тому мѣсту, около котораго слышны были крикъ и выстрѣлы, послѣ чего остановиться и, не обнаруживая себя, находиться тамъ до одиннадцати часовъ. Самъ подполковникъ Ивановъ, съ эскадрономъ драгунъ и двумя сотнями, поднялся по дорогѣ на хребетъ къ перевальной засѣкъ, присоединилъ къ себѣ пластунскую команду и двинулся далѣе по хребту до того мѣста, гдѣ отрядъ переходилъ черезъ перевалъ; спустился внизъ, обошелъ предполагаемое жилое мѣсто и, не найдя никого, соединился со скрывавшимися тамъ ротами. Поиски же этихъ послѣднихъ увѣнчались лучшими успѣхами: находясь въ засадѣ, капитанъ Рудзинскій вызвалъ охотниковъ и приказалъ имъ осмотрѣть окрестности; тѣ, съ своей стороны, взявъ съ собою милиціонера Салмена, который всегда удачно хаживалъ на поиски, отправились шнырять по сосѣднимъ балкамъ и горамъ. Прошло не болѣе двухъ часовъ, какъ они прибыли къ части и привели двухъ плѣнныхъ мужчинъ и одного мальчишка, схваченныхъ во время уборки хлѣба, при чемъ пригнали и двухъ воловъ. Осмотрѣвъ еще нѣкоторые мѣста, колонна къ вечеру вернулась въ засѣку.

Изъ приведеннаго ряда предпріятій нашихъ войскъ довольно хорошо разъясняются тотъ способъ, тотъ характеръ и общій ходъ военныхъ дѣйствій, которыя были приняты нами за лучшія въ этой войнѣ. Послѣдующія дѣла были полнымъ повтореніемъ разсказанныхъ, а потому не выписываю всего дневника военныхъ дѣйствій какъ большіе отрядовъ, такъ и охотничьихъ командъ.

Не трудно замѣтить, что съ августа мѣсяца горы были для насъ не только безопасны, но сами едва успѣвали скрываться отъ нашихъ поисковъ: раздавшіеся гдѣ-нибудь выстрѣлы или крикъ, замѣченные на болотѣ слѣды или что-нибудь наводящее на мысль объ обитаемости какого-либо мѣста сейчасъ же скликали туда войска; но рѣдко когда находили жителей. Възъ пристанища, какъ пелудикіе, скрывались остатки горцевъ по лѣсамъ, больше спасая себя, чѣмъ отыскивая средства вредить намъ. Но безплодное ихъ упорство было вредно для насъ тѣмъ, что войска, ожидавшія отдыха, должны были стоять подъ ружьемъ и переносить великіе труды, даже потери, особенно сна-

чала, когда еще не было хорошо понятъ характеръ этой войны; въ августѣ же мѣсяцѣ, принявъ горскую методу войны, мы успѣли навести ужасъ на нашихъ учителей, и положеніе ппехскаго отряда стало лучше относительно сповойствія. Но вскорѣ явилось два новыхъ врага, которые обрушились бѣдствіемъ брѣне на даховскій отрядъ: лихорадка и небывалый разливъ рѣкъ.

Ппехскій отрядъ, бродившій по высокимъ горамъ, вдали отъ приморскихъ болотъ, еще крѣпился кое-какъ противъ лихорадки, убыль больными была не велика; но по южному скату горъ, начиная отъ Халучинскаго редута до берега моря, она валила людей сотнями. Въ эту несчастную колею попался вчлочекъ ппехскаго отряда, именно горный взводъ облагченной № 3-го батарея, оставленный въ засѣкъ.

Начиная съ послѣднихъ чиселъ сентября, кладбища около Халучинскаго редута, Лазаревскаго укрѣпленія и промежуточныхъ постовъ начали занимать все большее и большее пространство, а больные солдаты, оставшіеся на ногахъ, бродили нагъ тѣни, ожидая своей очереди. Не больше 20 человекъ въ ротѣ могли дѣйствовать оружіемъ; гарнизоны же двухъ ближайшихъ къ редуту постовъ имѣли: одинъ пять, а другой—семь человекъ, способныхъ стоять подъ ружьемъ; некому было даже конвоировать колонну за провѣантомъ, потому что необходимое прикрытіе потребовало бы всѣхъ способныхъ еще дѣйствовать, оставивъ посты на пощечіе больнымъ, да некому было и распорядиться: воинскій начальникъ и почти всѣ офицеры въ Халучинскомъ редутѣ лежали больными. Къ этому времени и командующій отрядомъ, полковникъ Габаевъ, уѣхавъ въ штабъ для встрѣчи инспектора, барона фонъ-Врангеля.

Горцы, между тѣмъ, угрожали сожженіемъ Халучинской за-сѣки. Выполнить это обѣщаніе было крайне легко: деревья, составлявшія ее, были до того сухи, что могли вспыхнуть надъ порожекъ отъ малѣйшей искры. Темная ночь, смѣлчакъ-горецъ—и угроза приведена въ исполненіе. Противодѣйствіе наше могло состоять только въ бдительныхъ часовыхъ и въ бодрости гарнизона, который, при первой тревогѣ, былъ бы готовъ наказать дерзкихъ. Что же могъ сдѣлать гарнизонъ, состоявшій изъ трехъ четвертей больнымъ? Некрасиво было его положеніе: стоя среди кладбища, занимавшаго вдвое большее пространство, чѣмъ укрѣпленіе, солдаты ежедневно прибавляли не одной, а иногда и по нѣскольку сѣдлкъ могиль.

Подполковникъ Ивановъ, разузнавъ обо всемъ этомъ, принялъ на себя обязанность помочь имъ и, по согласію съ полковникомъ Мерхидевичемъ, 25-го сентября направилъ въ Хакучинскій редутъ сводно-стрѣлковый баталіонъ Кубанской области, смѣненный 1-мъ баталіономъ Дербентскаго дѣхотнаго полка. Только съ прибытіемъ стрѣлковаго баталіона хакучинскій гарнизонъ получилъ возможность отправить конвою въ Лазаревское укрѣпленіе за провіантомъ и оберегать редутъ. (*)

Рѣдко встрѣчается такое оригинальное явленіе; войска, конвоирующія свой обозъ, требуютъ прикрытія и для себя, а часть другого отряда слѣзаетъ на помощь къ своимъ братьямъ, перенося на рукахъ котлы и всю провіанцію, такъ какъ посылать за лошадьми было крайне далеко.

По ходатайству подполковника Иванова, полковникъ Мерхидевичъ разрѣшилъ даже хакучинскому гарнизону получать провіантъ изъ Тубинской засѣки, хотя и тамъ запасы приходили къ концу.

Это невыгодное положеніе войскъ въ Хакучинской засѣкѣ было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, которое постигло его впоследствии. Бѣдствуя отъ дихорадокъ и не имѣя возможности съѣздить за провіантомъ въ Лазаревское укрѣпленіе, солдаты все-таки нашли сочувствіе въ начальникахъ пшехскаго отряда; волошскіе орѣхи и сухари кое-какъ процитывали еще несчастныхъ. Но настало другое время: проливные дожди, щедшіе очень долго, до того наполнили всѣ балки и углубленія, что едва замѣтные прежде ручьи обратились въ непроходимые потоки, а нижнія теченія большихъ рѣкъ произвели страшное опустошеніе, какого не помнили старики: жилища, нестоящія на значительной высотѣ, были уничтожены и мѣста эти покрылись водою. Цѣныя мельницы, прикрѣпленныя цѣпами и расподоженыя въ боковыхъ протокахъ, были разбиты въ щепы; почти всѣ мосты по Дабъ, Бѣлой, Кубанц и по другимъ рѣкамъ либо совершенно снесены, либо до того испорчены, что были негодны для проѣздовъ. А бѣдному Хакучинскому редуту выпала еще худшая доля: разливомъ онъ былъ отрѣзанъ совершенно отъ Лазаревскаго укрѣпленія и если могъ еще сооб-

(*) 8-го октября колонна, ходившая за провіантомъ, возвратилась изъ Лазаревскаго укрѣпленія. Сводно-стрѣлковый баталіонъ Кубанской области, 9-го числа, оставилъ Хакучинскій редутъ, снова прибылъ въ перевальную засѣку, доставляя своимъ цѣльбнымъ лошадямъ и ушелъ въ Тубу.

щаться съ пшехскимъ отрядомъ, то по самымъ труднѣйшимъ и опаснѣйшимъ дорогамъ. Въ это время и нашъ отрядъ не могъ не только помочь товарищамъ, но и самъ находился наканунѣ голода: къ 3-му октября въ тубинскомъ провіантскомъ складѣ оставалось только 16 четвертей, а обозъ, подвезшій провіантъ, стоялъ гдѣ-то далеко, за Пшехой, не будучи въ силахъ переѣхать рѣку.

Артилерійское начальство, внявъ жалобамъ офицера, подъ командою котораго находился горный взводъ, страдавшій въ Хакучинской засѣжѣ, просило спустить его. Генералъ Гейманъ отвѣтилъ, что между 10-мъ и 20-мъ числами октября хакучинская кордонная линія будетъ снята, что около этого времени 15 стрѣлковыхъ ротъ, по распоряженію атамана, должны будутъ отъ Адлера, горною полосою, подойти къ Хакучинскому редуту, къ которому двинутся одновременно съ ними и отряды какъ съ туабинской линіи, такъ и изъ Тубы, и что послѣ этого движенія всѣ войска будутъ спущены.

Въ упомянутый срокъ началась послѣдняя облава. Выступивъ съ Адлера, генералъ-маіоръ Гейманъ едва-едва одолевалъ преграды, представляемыя природой: разлившіяся рѣки непрерывно перегораживали путь; войска выбивались изъ силъ. Наконецъ онъ остановился и повернулъ отрядъ на Бѣлорѣченскій перевалъ. Гора Псегашко въ это время была недоступна; поэтому и предполагаемое послѣднее, всеобщее наступленіе въ Хакучи было приведено въ исполненіе несравненно позже, а съ перваго ноября всѣ войска были уже по своимъ квартирамъ, оставивъ ненавидные Хакучи.

Никто, конечно, не поручится за то, что тамъ не осталось жителей, хотя колонны наши исходили эти мѣста по всѣмъ направленіямъ; но могли ли онѣ перебивать во всѣхъ ущельяхъ и заглянуть во всѣ безчисленныя промоины? Наконецъ, пройдя по всѣмъ уголкамъ этой страны, можно было и не встрѣтиться со скитающимся противникомъ, такъ какъ онъ постоянно скрывался при нашемъ приближеніи. Остались ли еще неистреленными аулы и посѣвы, опредѣлить было трудно по той же причинѣ....

Кончилась кавказская война, кончились и сопряженные съ ней тяжелые труды; только болѣзни, какъ послѣдствія недавнихъ, чуть не сверхъестественныхъ усилій, еще продолжали вы-

рывать молодцовъ изъ нашихъ рядовъ. Живые рассказы и ярко рисующіеся въ воображеніи случаи связывали насъ съ недавнимъ прошедшимъ, а кавказскій офицеръ, видя, что кончилась его боевая карьера, съ какою-то любовію отзывается о прошедшемъ: имъ живеть онъ еще на яву и во снѣ.

Спать, и представляется ему походная землянка, въ которой безопасно сидитъ онъ съ товарищами за зеленымъ столикомъ. Вдругъ раздается тревога. — „Послѣ доиграемъ!“ говорить, бросая карты.... хватаетъ пашку и бѣжитъ среди толпы, издающей крики, между которыми слышнѣе другихъ слова: „татары!... татары!...“ Вотъ подбѣжали къ какой-то высокой горѣ и начали подыматься по страшной тропинкѣ.... вотъ раздался внезапно отчаянный крикъ, и одинъ несчастный полетѣлъ въ кручу, за нимъ — другой, тамъ — третій....

Иному грезится, будто онъ сидитъ передъ кучею насыпанныхъ угольевъ въ палаткѣ, которую страшно теребитъ зимняя вьюга, и, при слабомъ мерцаніи свѣчи, ждетъ обычнаго извѣстія о распоряженіяхъ на завтрашній день. Но вотъ дунулъ вѣтеръ со снѣгомъ изъ распахнувшейся полы палатки, и вошелъ фельдфебель.

— Что за приказаніе? спрашиваетъ офицеръ.

— Завтра, ваше благородіе, изъ отряда назначаются двѣ колонны....

— А мы назначены?

— Назначены, ваше благородіе.

— Куда?

— Не на касировку дороги, а такъ себѣ (*)....

— А гдѣ идемъ?

— Въ заднемъ аленгардѣ, ваше благородіе (**).

— Апшеронцы съ нами?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе: они назначены въ колонну, которая пойдетъ съ планщиками, а потомъ пойдутъ на касировку дороги.

— А какъ рано?

— Съ разсвѣтомъ, ваше благородіе.

Фельдфебель ушелъ, и вотъ офицеръ начинаетъ ворочаться

(*) Транспровка дороги на солдатское нарѣчіе переводилось словами: „касировка дороги“; рекогносцировка же — „касировка на дороги, а такъ себѣ“.

(**) Слова *передній аленгардъ* означала авангардъ; *задній аленгардъ* — арьергардъ.

на постели; его тревожить мысль о возможности проспять время выступления, и, наконецъ, действительно, просыпается... Какъ-то странно осматривается онъ кругомъ... начинаетъ поемногу сознавать непривычную ему обстановку деревянной хаты; потомъ, улыбувшись, съ нѣкоторымъ удовольствіемъ произноситъ: „не поидежъ мы завтра ни на касировку дороги, ни такъ себѣ, а будемъ спать“, и съ пріятнымъ впечатлѣніемъ снова засыпаетъ въ завоеванной и усмиренной странѣ, гдѣ провелъ онъ много тревожныхъ дней, гдѣ нерѣдко изнывалъ отъ потери силъ, гдѣ тысячу разъ видѣлъ передъ собою смерть и смѣло шелъ ей на встрѣчу, ведя за собою такихъ же молодцовъ, какъ самъ. Прошло все... не повторится прошедшее! Но кавказцы во всю жизнь не забудутъ пройденныхъ ими военныхъ уроковъ и, пока живы, будутъ представлять собою незамѣнимый источникъ для добыванія отличныхъ партизанскихъ начальниковъ.

Впрочемъ, такъ или иначе, а кавказской войнѣ больше не повториться...

Какъ ни крута была система обезлюживанія края, принятая для окончательнаго покоренія Кавказа, но, согласуя ее съ характеромъ полудикихъ жителей, нельзя не признать громадную ея выгоду относительно спокойствія Россіи.

Оставить горцевъ на прежнихъ мѣстахъ, поддерживая съ ними миръ разными договорами, значило вѣчно воевать: долготнѣе опыты показали, какъ хранятъ они данное ими слово, на что указываетъ до сихъ поръ положеніе Терской области, гдѣ горцы оставлены и гдѣ повтому отъ времени до времени раздаются выстрѣлы и находятъ убитыхъ.

Употребивъ же другой способъ—поселять между ними русскихъ—можно ли было ручаться за безопасность новыхъ жителей? Можно ли было не держать страну, еще Богъ знаетъ сколько времени, на военномъ положеніи, тратясь на содержаніе лишнихъ войскъ? Наконецъ и такимъ способомъ можно ли было удержать отъ разныхъ беспорядковъ покоренныя племена, фанатически враждебныя къ пришельцамъ?

Просьба горцевъ о дозволеніи имъ выселиться къ своимъ единовѣрцамъ въ Турцію дала возможность нашему правительству разрѣшить этотъ вопросъ и, выполняя ихъ желаніе, исполнить также свое: именно, ояснить охрану отъ горскихъ поселеній, замѣнить ихъ русскими переселенцами. Съ 1861 года идея эта въ крупныхъ размѣрахъ была приведена въ ис-

попленіе, такъ что къ концу года пришло уже 1,768 семействъ и заселено одиннадцать станицъ, изъ которыхъ двумя станицами закончили кубанскую линію, тремя—лабинскую, а остальные шесть развѣстали за Лабою.

Весною и лѣтомъ 1862 года, между Бѣлой и Лабой, было выстроено пятнадцать станицъ; изъ числа ихъ одна была возведена въ Пшехскомъ ущельи. Въ это же время, между Адагумомъ и Чернымъ моремъ поднято новыхъ станицъ двѣнадцать, и во всѣхъ двадцати-семи было водворено 4,185 семействъ съ пособіями отъ правительства и 202 охотинна (ст. Гагинская), поселившихся въ районѣ 1-й бригады, безъ пособія отъ казны, только съ трехлѣтнимъ увольненіемъ отъ несеція службы. Изъ поселенныхъ въ 1862 году образовались три полка: 24-й, 25-й и Адагумскій.

Въ 1863 году, на очищенныхъ отъ туземцевъ пространствахъ, за Бѣлой и Лабой было возведено тринадцать станицъ и доселена Пшехская, а между Адагумомъ и Илешъ и въ Натухайскомъ округѣ было выстроено восемь. Переселившихся же семействъ—3,433. По примѣру Гагинской станицы возведена была ст. Келермесская въ 188 семействъ, безъ пособія отъ казны. Изъ поселенцевъ, прибывшихъ въ 1863 году, вновь сформировано два полка: 26-й — въ семисотенномъ составѣ, и Абинскій — въ пятисотенномъ.

Въ 1864 году колонизація быстро подвинулась впередъ съ прибытіемъ 4,417 семействъ. Появленіе такого огромнаго числа новыхъ поселенцевъ вполне гармонировалось съ необходимостію скорѣе заселить не только сѣверный склонъ, но и полосу земли по берегу моря. Быстро воздвигнуты были пятьдесятъ-двѣ станицы съ тремя поселками. Изъ этого числа, въ составъ Абинскаго полка вошли четыре станицы, могущія выставить шесть сотенъ; двѣ станицы усилили 24-й полкъ; изъ девятнадцати сформировался 27-й, а изъ пятнадцати — Пшекупскій, каждый въ шестисотенномъ составѣ; затѣмъ двѣнадцать станицъ вошли въ районъ расположенія Шапсугскаго береговаго полка.

Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ кавказской войны, въ Закубанскомъ краѣ возведено сто-одиннадцать станицъ съ тремя поселками, въ которыхъ водворены были 14,396 семействъ (*).

(*). Для интересующихся предлагаю таблицу переселенцевъ по сословіямъ:

1) Оенперскихъ семействъ 147

Слава правительству за принятую систему войны! Результаты ея особенно рѣзко высказались весною 1864 г.: нельзя было не любоваться, какъ русское племя, занявъ уже всѣ ущелья по сѣверной сторонѣ главнаго хребта, спокойно бороздило плугами землю, тогда какъ полгода тому назадъ нельзя было показаться изъ станицы, чтобъ не наткнуться на горцевъ, рыскавшихъ кругомъ. Уже начинали забывать, что значить ходить съ прикрытіемъ, а такъ называемыя шалости горцевъ остались только въ разсказахъ солдатъ и первыхъ переселенцевъ. Не слышно стало роковыхъ выстрѣловъ: ихъ замѣнилъ тихій колокольный звонъ, раздающійся въ горахъ и призывающій христіанъ на молитву въ убогія, временныя станичныя церкви.

Теперь, безопасно пасущіяся стада, ночные костры, по степямъ и ущельямъ, среди мирныхъ чумацкихъ вагенбургговъ, громкія пѣсни запоздалыхъ гулякъ, одиночныя невооруженныя прохожіе, встрѣчающіеся по дорогамъ и днемъ, и ночью, звонкія, заунывныя трели валдайскихъ колокольчиковъ, заливающихія то въ той, то въ другой сторонѣ, говорятъ только одно, что

Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!

К. ГЕЙНСЪ.

2) Вышшаго Черноморскаго войска	3,850
3) Вышшаго линейнаго казачьяго войска, въ числѣ которыхъ значится 310 семействъ, поселенныхъ безъ пособія отъ казны	4,490
4) Терскаго казачьяго войска	51
5) Донскаго казачьяго войска	1,006
6) Азовскаго казачьяго войска	1,051
7) Оренбургскаго казачьяго войска	425
8) Уральскаго казачьяго войска	83
9) Нижнихъ чиновъ кавказской арміи	1,014
10) Государственныхъ крестьянъ	1,338
11) Охотниковъ разныхъ сословій, въ числѣ которыхъ: 224 семьи временно-облаженныхъ крестьянъ войска Донскаго, 45 семействъ зачинщиковъ неповиновенія крестьянъ, 82 семейства взевъ-амскихъ поселенцевъ, 166 семействъ оставшихъ и служащихъ матросовъ, а также гнѣздъ города Николаева, вызванныхъ собственно для поселенія по берегу	651
12) Переселенцевъ всѣхъ сословій, водворенныхъ въ станицахъ на другой годъ по ихъ возведеніи, т. е. когда онѣ входили въ составъ старыхъ днѣи	286

Всѣхъ 14,396